

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

КОММУНИСТ

8

МАЙ

1989

МАЙ

Б. РАУШЕНБАХ

К РАЦИОНАЛЬНО-ОБРАЗНОЙ КАРТИНЕ МИРА

Сегодня в обществе развернулись весьма оживленные дискуссии, в которых проясняется качественно обновленный облик социализма. Далеко не последнее место в этих дискуссиях, на мой взгляд, должны занять вопросы, связанные с мировоззрением современного человека, осмыслением его места как в Космосе, во Вселенной, так и, образно выражаясь, в космосе отношений с другими людьми, с обществом, с природой Земли, вне которой нам не дано существовать в обозримом будущем. От того, насколько нам удастся разобраться в этих проблемах, найти правильные пути их решения, зависит, без преувеличения, грядущее цивилизации в целом. И хотя человек с древнейших времен погружен в размышления по поводу этих вопросов, быстро меняющиеся жизнь и окружающий мир наполняют их все новым и новым содержанием, побуждают нас снова и снова к ним обращаться, искать ответы, соответствующие реалиям сегодняшнего, а может быть, и завтрашнего дня.

Начну с примера из опыта собственной жизни.

В свое время я написал книги по изобразительному искусству, не прибегая к математике, но используя привычную для себя логику рационального научного знания. В беседах с читателями выявилась одна удивительная закономерность: меня прекрасно поняли математики, физики, инженеры и совершенно превратно истолковали многие художники, которые, впрочем, книги хвалили (не желая, возможно, обидеть автора). Тогда я вспомнил, что сам «не понимаю» некоторые труды наших выдающихся искусствоведов. Оказалось, нечто аналогичное испытывают и другие представители «точного» знания — для нас искусствоведческие работы часто представляются «потоками слов», не имеющими строго определенного рационального смысла. Между тем всемирно известные имена авторов, безусловно, гарантировали высокое качество этих книг, и в нашем непонимании были виноваты мы сами.

Так я столкнулся с фактом, что, условно говоря, можно выделить две составляющие русского языка: одной пользуется логика рационального научного знания, другой — логика образного мышления. Это не только два компонента языка, но и два типа постижения мира, представителям которых бывает трудно понять друг друга.

Для более полного объяснения этого феномена следует, как мне кажется, обратиться к интенсивно изучаемому сегодня факту функциональной асимметрии головного мозга. Оказалось, что левое полушарие обеспечивает главным образом процедуры рационального мышления, а правое — образное восприятие мира. Принадлежность того или иного человека к «физикам» или «лирикам» зависит, по-видимому, и от того,

какое из полушарий у него доминирует. Конечно, это деление не абсолютно. Такие гении, как Леонардо да Винчи и Гете, например, достигли выдающихся успехов и в точных науках, где необходимо строгое рациональное мышление, и в искусствах, требующих от художника особой эмоциональности и развитого образного мышления. Но, как правило, один из типов мышления все же доминирует — идет ли речь о знаменитых деятелях науки и культуры или об обычных людях, не наделенных особыми талантами.

Образное восприятие мира более древнее, логическое мышление возникло позже. (Может быть, поэтому сны, рождающиеся в правом полушарии, не удивляют человека самыми невероятными чудесами — ведь левое, «рациональное», в это время «отключено»?) Два различных пути восприятия и познания мира заметили уже давно. В «Илиаде» Гомера Гектор говорит об ожидающей его трагической судьбе:

«...Твердо я ведаю сам, убеждаясь и мыслью и сердцем,
Будет некогда день, и погибнет священная Троя...»

Для нас важно, что Гектор ведает и мыслью (основываясь на рациональном мышлении), и «сердцем» (опираясь на образные предчувствия). Для дальнейшей античной традиции характерно разделение «мнения», то есть того, что получено посредством чувств, и «знания», имеющего своим источником разум. Только оба эти пути ведут к целостному восприятию мира, оба одинаково существенны, и пренебрежение одним из них пагубно как для личности, так и для общества.

Мы живем в эпоху научно-технической революции, богатую впечатляющими научными открытиями, постепенно охватывающими все области знания. Зачем нам в таком случае какое-то внерациональное постижение мира, базирующееся на чувствах (к примеру, чувстве красоты), а не на рассуждениях и, следовательно, носящее неопределенный и расплывчатый характер? Дело в том, что оно не заменяет рационального, научного, а дополняет его принципиально новыми элементами.

Рассмотрим, например, проблему нравственного поведения человека. Результаты научных исследований, полученные с помощью рациональных приемов мышления, истинны или ложны независимо от сообщений морали. Таблицу умножения, а теперь и искусство составления компьютерных программ может успешно применять как очень хороший человек для добрых и полезных дел, так и последний негодяй в своих преступных целях. Это положение широко известно: наука служит прогрессу, но используется и самыми реакционными силами. Таким образом, выводы рациональной науки не содержат в себе нравственного начала. Но для людей нравственность имеет жизненно важное значение. Представления же о нравственности, тем более «нравственное чувство», возникли задолго до науки — из образного, «иррационального» (сознательно употребляю это слово) постижения мира, а также в процессе обобщения эмпирического коллективного опыта людей. Лишь впоследствии в связи со становлением мировых религий и параллельно с ними появились рациональные, этические обоснования нравственных учений (Сократ, Платон, Аристотель, Спиноза, Кант).

Какой смысл вкладываю я в понятие иррационального? Это отнюдь не нечто таинственное, мистическое, вообще не постижимое разумом. Речь идет скорее о нерациональном в узкологическом понимании: интуитивное постижение выглядит иррациональным по отношению к дискурсивному, логическому умозаключению, оценка с точки зрения индивидуального неповторимого опыта — иррациональной по отношению к экспериментальному доказательству и т. д. Таким образом, все, что далее я буду называть иррациональным, нерациональным, внелогическим и т. п., может оказаться вполне рациональным с более широких

позиций познающего интеллекта, объясняющего и оценивающего чувственный опыт и образное мышление.

Поведение человека в окружающем мире опирается на знание о нем. Это знание формируется как бы в двух взаимосвязанных сферах — одной, где решающее слово имеет логика, и другой, где господствуют чувства: сострадание, милосердие, любовь к ближнему, к Отечеству, религиозное чувство, поэтическое (откликающееся не только на литературу, но и на музыку, изобразительное искусство) и т. п. Формируют ли эти чувства знание, пусть даже не логически-дискурсивное, интуитивное, порой бессознательное, но знание?

Все говорит за то, что да, формируют. Действительно нередко при первом знакомстве с человеком даже у ребенка сразу возникает симпатия или антипатия к нему, без каких-либо явных рациональных оснований для этого. Это чувство становится первым (пусть иногда ошибочным) интуитивным знанием (или, если угодно, «предзнанием») о человеке, которое в значительной мере определяет наше поведение. Иногда поведение диктуется нравственным чувством и, оправдывая характер своих действий, человек заявляет: «Не могу объяснить почему, но я не в силах был поступить иначе». Это тоже не связанное с непосредственным логическим анализом (в противном случае его можно было бы объяснить) знание того, как себя следует вести в данной ситуации.

Подобные примеры — а их множество — позволили в начале века отдельным поэтам утверждать, что существуют истины, которые невозможно передать прозой, то есть истины, опирающиеся не на формально понимаемую логику, а на специфическую логику поэтической образности восприятия мира. Следовательно, образное, внерациональное восприятие мира — это тоже необходимый источник нашего знания. Более того, иногда подобное знание оказывается точнее рационально-логического в сфере самой рациональной науки. Если спросить, каков будет облик техники будущего, то, случается, прогнозы специалистов нередко менее точны, чем прогнозы писателей. Так, даже в 30-х годах многие ученые, включая самых крупных, утверждали, будто ядерная энергия никогда не сможет быть использована человеком, тогда как «безответственные» писатели вполне допускали это в своих сочинениях. В «Гиперболоиде инженера Гарина» А. Толстой описал «луч смерти», в ту пору, по мнению ученых, абсолютно невозможный, а сегодня мы говорим о лазерном оружии как об очевидном. В романе Леонида Леонова «Дорога на океан» действует радиолокационная система, которой в тот период еще не существовало. Чем это объяснить? По всей вероятности, ученые слишком привязаны к науке и технике, их сегодняшним постулатам и аксиомам и не в состоянии на основе лишь строго логических умозаключений предвосхитить *революционные* открытия, в то время как писатель, художник свободны от этих «предубеждений» и, видимо, лучше «чувствуют» (или предчувствуют) ход развития человечества. Разумеется, это не призыв перейти в науке и технике от знания к чувствам. Как уже отмечалось, нерациональная, эмоциональная составляющая человеческого знания связана прежде всего с нравственным и поэтическим в сознании человека.

У гармонично развитых людей оба источника знания — как рационального, так и внелогического — определяют их поведение, причем находятся в известном равновесии. Это, конечно, идеальная схема. Реально многое зависит от индивидуальных особенностей психического развития и от условий жизни того или иного человека.

В современном обществе объем и значение рационального, логического знания непрерывно растут. Это наглядно проявляется не только в завоевании компьютерами все новых и новых сфер жизни (от детских игр до расчетов траекторий космических аппаратов), но и в мотивации поступков, действий людей. Люди сегодня все чаще ищут оптимальные

решения стоящих перед ними задач, причем понятие оптимальности имеет, как правило, строго рациональный смысл. К примеру, как при наименьших затратах возвести то или иное сооружение, каким путем предприятие может получить максимальную прибыль, насколько вероятны какие-либо события и т. п. Этот способ мышления является основным и в нашей повседневной жизни: как наилучшим образом распорядиться имеющейся денежной суммой, как в оптимальное время добраться до места работы и т. д. Стремительный темп изменения жизни исключает при этом выработку «традиционных решений», которые были бы приемлемы и сегодня, и спустя 10—20 лет. Все эти задачи приходится всякий раз решать в новых условиях. Даже профессиональные знания и навыки не могут сегодня оставаться неизменными на протяжении жизни. Опыт показывает: многие вынуждены переучиваться каждые 10—20 лет — среднее «время жизни» современной техники гораздо меньше средней продолжительности жизни человека.

Именно такие условия приводят к тому, что рациональная составляющая нашего знания о мире нужна постоянно, она все время используется и наращивается, внимание человека приковано прежде всего к ней, а нерациональное знание оттесняется на второй план. Но ведь оно существенно влияет на важные стороны восприятия мира — нравственную оценку происходящего, нравственную мотивацию поступков. Между тем нравственность становится чем-то второстепенным, и это все более и более беспокоит человеческое сообщество. Не тревожно ли, в самом деле, что оценки «удачливый бизнесмен», «хороший организатор производства» оказываются порой важнее, чем «порядочный человек»?

Говоря о падении нравственности, мы здесь обращаем внимание на то, что раньше рациональная составляющая знания не играла столь гипертрофированной роли. Взять хотя бы жизнь крестьянина в прошлые столетия. Внук использовал ту же «технология», что и дед, и эта технология крестьянского труда определялась не столько строгими рациональными расчетами, сколько многовековым опытом, передававшимся от поколения к поколению в форме примет, традиций, обычаев. Мозг не был перегружен проблемами поиска оптимальных решений рационально сформулированных задач, и человек в большей степени мог сосредоточиться на вопросах нравственности (конечно, со временем сама оценка того, что нравственно и что безнравственно, менялась; здесь речь идет только о направленности мозговой деятельности).

Сегодня, в период триумфа естественнонаучного знания, впечатляющих открытий в физике, астрономии, биологии и других науках, дающих рациональное объяснение жизни Вселенной, возникла грандиозная задача создания *научной картины мира* и на ее основе *научного мировоззрения*. Многие считают, что решение этой сверхзадачи облагодетельствует человечество. Однако такое утверждение представляется весьма сомнительным.

Человечеству нужно целостное мировоззрение, в фундаменте которого лежит как научная картина мира, так и вненаучное (включая и образное) восприятие его. Мир следует постигать, по выражению Гомера, и мыслью и сердцем. Лишь совокупность научной и «сердечной» картины мира даст достойное человека отображение мира в его сознании и сможет быть надежной основой для поведения.

Говоря о необходимости и возможности создания целостной картины мира, нельзя обойти молчанием вопрос о религии. Нередко считают, что религия — это некая сумма мифов, правил поведения и обрядов. Тогда, по-видимому, поэзия — это способ изъясняться ритмически и в рифму. Всякому очевидно: в таком определении поэзии утрачено

главное — поэтический образ, поэтическое чувство. Точно так же отступление упоминания религиозного чувства в понятии «религия» лишает его главного.

Религиозное чувство бывает присуще тому или иному человеку (но, разумеется, далеко не каждому), подобно тому как людям нередко сопутствует чувство прекрасного. И если такой человек воспитывается в атеистической семье, находится в атеистическом окружении, он может испытывать некий душевный дискомфорт, часто не понимая его причин. Иногда, пытаясь неумело удовлетворить свойственное его психике стремление к таинственному, к чуду, такой человек судорожно ищет какой-либо суррогат — увлекается мистикой, начинает верить в «летающие тарелки» (если же «тарелки» окажутся общепризнанной реальностью, он сразу потеряет к ним всякий интерес) и т. п. Известно немало случаев, когда такие «потомственные» атеисты приобщались к церкви и ощущали вдруг возникшую полноту жизни, становились в полном смысле слова счастливыми людьми. Сегодня трудно сказать, на какой стадии истории человеческого сообщества развилась эта потребность. Во всяком случае, соответствующее свойство человеческой психики, потребность в некоей «вере», в том числе религиозной, усложнялись и закреплялись, по-видимому, в ходе биосоциальной эволюции.

Таким образом, в развитых, например, странах религиозное чувство людей в наши дни связано отнюдь не только с их «темнотой», недостаточной просвещенностью (в смысле наук, опирающихся на рациональное знание). Удовлетворение его — естественная потребность для многих людей с сильно развитой эмоциональностью. Не потому ли в среде представителей художественной интеллигенции верующие встречаются чаще, чем среди инженеров?

Но если религиозное чувство — нормальное явление для таких людей, то примитивная атеистическая пропаганда не может быть эффективной. Иные пропагандисты атеизма исходят из того, что вера в бога исчезнет, как только людям «доходчиво разъяснят» естественнонаучную картину мира, покажут, что религия — следствие недостатка научных знаний, что она должна отступить под натиском науки. Однако для человека, у которого доминирует образное мышление, доводы рационального знания кажутся второстепенными и малоубедительными. (Выше уже приводился пример взаимного непонимания «физиков» и «лириков».) Эти доводы для него ничто в сравнении с живым ощущением присутствия бога, причем настолько сильным, что он не просто верит в его существование, а, основываясь на собственных чувствах, «знает», что бог есть. Поэтому рациональные доказательства атеиста лишь раздражают человека, уверенного в истинности своих представлений.

Конечно, религию нельзя свести к феномену лишь иррационального компонента сознания. Тем более полагать, что от нее невозможно избавиться, пока за правым полушарием головного мозга сохранятся его функции. Религиозное чувство, несомненно, связано с такими свойствами человеческой психики, как воображение и т. п. Но ведь есть и рациональные обоснования религии — теология. И если научный атеизм может более или менее успешно опровергать именно эти рациональные обоснования бытия бога (онтологическое, гносеологическое, телеологическое и т. д.), то он не в состоянии ничего сделать с потребностью человека в вере.

Для слова о том, какой смысл вкладывается обычно в понятие «бог». Для современного христианина, например, вера в бога — это вера в сверхъестественную, трансцендентную реальность, обладающую личностными свойствами, сопряженная с верой в наличие смысла индивидуальной человеческой жизни, выходящего за пределы ограни-

ченного человеческого жизненного пути, верой в целесообразность мира и смысл истории, исчерпывающим образом, до конца не доказуемые научно.

В многотысячелетней человеческой практике рациональное знание и нравственные ценности всегда дополняли друг друга, поэтому и современный верующий человек считает свое религиозное чувство дополнением к рациональным знаниям. Более того, это чувство не мешает крупным ученым достигать высочайших вершин в науках о природе.

Таким образом, сама по себе наука не в состоянии погасить религиозность искренне верующего человека. Религиозную веру может победить только другая «вера» (то есть нечто однородное). Здесь слово «вера» надо понимать широко, это может быть какое-либо этическое воззрение типа раннего конфуцианства; вообще любая эмоционально-иррациональная составляющая человеческого знания, позволяющая насытить то, что выше называлось религиозным чувством. Насытить, а не растоптать. Но тогда атеисты должны дополнить «научный атеизм» каким-то «сердечным атеизмом», обращенным к образной части человеческого сознания (правда, конкретные формы последнего сегодня, насколько я знаю, никому не известны). Конечно, чувство — это еще не нравственность, а нравственность — еще не религия, но связь между ними, несомненно, существует, и она глубока.

Обратимся снова к вопросу о соотношении рационального и вне-рационального знания и поразмыслим, как усилить нравственное начало в современной жизни. Это стало настоятельной потребностью и у нас, и на Западе, однако пути возвращения нравственности принадлежащего ей по праву места в жизни общества далеко не ясны.

В последнее время часто говорят в этой связи о необходимости гуманизации современной жизни. Речь, как я понимаю, идет о том, чтобы несколько потеснить «рациональную», технократическую мотивацию, дав место и духовности в формировании поведения как отдельного человека, так и общества в целом. Хотя термин «духовность» употребляется сегодня даже чаще, чем надо, общепринятого его определения не существует. Возможно, впрочем, что строгая терминология здесь излишня, поскольку это не понятие рациональной логики. В прошлом утверждали, что дух — это острие души, тогда духовность — наиболее высокие и тонкие стороны душевности. На мой взгляд, подобное высказывание можно принять в качестве некоторого, пусть не слишком точного указания на общую направленность понятия духовности.

Усиления духовного начала в нашей жизни многие надеются достичь на пути гуманитаризации, обращения к бесценным памятникам отечественной и мировой культуры, которые у большинства людей в повседневной суете отступили куда-то в область периферии сознания и перестали участвовать в формировании поведения. Знакомство с историей Отчизны, с ее героическими страницами, с деятельностью выдающихся соотечественников (общественных деятелей, художников, военачальников), для которых высокие (далекие от сиюминутных выгод) цели определяли смысл жизни, — все это, безусловно, должно способствовать перестройке сознания в желаемом направлении.

Трудно переоценить роль памятников истории и культуры, в которых овеществлено прошлое Отечества и которые позволяют ощутить связь времен, почувствовать себя звеном в цепи, уходящей в глубь веков, проникнуться и гордостью за прошлое, и сознанием необходимости продолжать великие дела, завещанные нам предшествующими поколениями. Нелишне, быть может, заметить здесь, что «живые» памятники дают много больше «мертвых». Ходить по помещениям нового здания Ленинградского университета совсем не то, что идти по его старому

длинному коридору, стены которого помнят Менделеева. Возводить новые университетские корпуса, конечно, надо, но важно, чтобы и старое здание оставалось «живым», то есть университетским, а не было отдано очередной конторе.

Не меньше, а, возможно, даже и больше дает русская литература, в которой проблемы нравственности всегда играли ключевую роль. Достаточно вспомнить таких корифеев, как Ф. М. Достоевский и Л. Н. Толстой с их поисками нравственных идеалов.

Обо всем этом справедливо и не раз говорили и писали многие наши современники, озабоченные постепенным снижением духовности, засильем узколобого, близорукого практицизма во всех сферах жизни. Гуманитаризацию можно уподобить благодатному дождю, который даст возможность распуститься цветам духовности. Это напыщенное сравнение выбрано мною для того, чтобы заострить проблему. Тщательный полив грядки еще не гарантия хорошего урожая. Если на ней ничего не посадили, ничего и не вырастет. Вода лишь один из компонентов, нужных в сельском хозяйстве. Точно так же гуманитарное образование и чтение классиков литературы. Если бы этого было достаточно, то наши писатели были бы людьми идеальной нравственности. К сожалению, история советской литературы решительно опровергает такое предположение, а следовательно, все, о чем говорилось выше, — условие, конечно, необходимое для утверждения нравственных начал в жизни человека и общества, но отнюдь не достаточное.

Чтобы гуманитаризация оправдала возлагаемые на нее надежды, должна существовать некая исходная система элементов нравственности, которую гуманитаризация могла бы усиливать, уточнять и направлять. Раньше эта исходная система как бы стихийно формировалась самой жизнью, сейчас данный процесс ослаблен и деформирован. Поэтому полезно обратиться к опыту прошлого.

Азы нравственности ребенок постигал в семье, которая прежде играла значительно более существенную роль в жизни всех ее членов, чем сегодня. Сейчас семья перестает быть средоточием общих забот и интересов образующих ее людей. Нередко отец и мать работают в разных местах, дети после школы на «продленке», и у каждого свои, часто трудноводимые к некоему единству интересы. К тому же душевные общесемейные беседы нередко вытесняются совместным сидением перед телевизором. Неудивительно, что сегодня первоначальные представления о нравственности ребенок получает в лучшем случае из родительских наставлений, а не из непосредственного наблюдения их жизни и естественного желания подражать им.

Определенную положительную роль играли в прошлом и моральные обязанности, которые налагались на человека в силу его принадлежности к тому или иному сословию. Вспомним хотя бы дворянскую честь, делавшую невозможными некоторые аморальные (с точки зрения дворянства) поступки. Неписанный кодекс дворянской чести человек усваивал еще в детстве, наблюдая поведение взрослых, слушая их разговоры и оценки событий, получая строгие замечания — «так дворяне не поступают!» — если он в чем-либо ошибался.

Следует признать, что большую роль в воспитании нравственности играла и церковь. Было бы непростительной ошибкой считать, что нравственное поведение может быть результатом только школьного или иного обучения. Здесь действует тот же закон, что и в других областях человеческой активности: если хочешь что-то хорошо делать, нужна систематическая, ежедневная тренировка. Мало знать правила нравственного поведения, нужно жить по этим правилам, чтобы постепенно превратить знание в привычку, в естественную норму жизни. Образно выражаясь, нужно хотя бы раз в день совершать нравственный поступок. Реальная повседневность всегда сложнее красивых схем, и далеко

не все наши поступки можно отнести к вполне нравственным. В этом случае человек, стремящийся к нравственной жизни, должен испытывать, как сейчас принято говорить, отрицательные эмоции, быть может, искреннее огорчение по поводу того, что не справился с возникшей ситуацией.

Такое серьезное дело, как «тренировка» нравственности, неразумно пускать на самотек, и, к примеру, церковь — надо отдать ей должное — давно отработала действенный механизм не только декларирования нравственности, но и практического воспитания и поддержания ее. Имею в виду таинство покаяния. Верующий обязан регулярно исповедоваться в своих грехах (то есть отступлениях от законов нравственности), причем не только в совершенных безнравственных поступках, но даже в мыслях о них. Иногда кающийся подвергается церковному наказанию (епитимья). Важно отметить, что исповедь происходит без свидетелей, и священник не смеет разгласить эту тайну. Таким образом создаются условия для предельной правдивости кающегося, без чего истинное воспитание нравственности вряд ли возможно. Оно в принципе требует уединенных бесед с авторитетным лицом. Это обстоятельство хорошо усвоено не только христианством, но и другими религиями и этическими учениями, где в постоянной паре выступают ученик и Учитель с их беседами, как было принято говорить, от сердца к сердцу.

В нашей сегодняшней жизни почти нет таких механизмов воспитания и поддержания нравственности. Таинство покаяния не может быть заменено самоотчетами или обсуждением аморальных поступков на многолюдных собраниях. Понятие сословной чести фактически исчезло. Порой пишут о рабочей чести, но это, к сожалению, обычно ничего не означает. (Хотя раньше рабочая честь повсеместно существовала и не позволяла настоящему мастеру унизиться до халтурной работы. Между прочим, в начале 30-х годов я начинал свою трудовую биографию учеником столяра на одном из ленинградских авиационных заводов и хорошо помню, как старых, потомственных рабочих буквально принуждали к тому, чтобы «давать план» любой ценой. Прежде всего ценой низкого качества работы, утраты критериев профессиональной чести.) Сегодня очень многие, совершая безнравственный поступок, испытывают скорее чувство радости, чем угрызения совести (например, «несун», безнаказанно укравший что-либо на производстве).

Думаю, гуманитаризация лишь принесет желанные плоды, когда будет опираться на фундамент уже усвоенных и практикуемых общих нравственных принципов. Как добиться этой цели сегодня? Конкретного ответа пока нет, но решение обязательно должно быть найдено, ибо от этого, как было сказано в начале статьи, зависит будущее не только нашего социалистического общества, но и цивилизации в целом.

Современная жизнь с ее гипертрофированным стремлением опираться прежде всего на рациональное знание и, как следствие, с пренебрежительным отношением к тому, что я назвал знанием иррациональным, интуитивным, эмоциональным, порождает опасные деформации поведения человеческого сообщества. Обдумывая проблемы оптимального сочетания рационального и иного знания в качестве направляющих импульсов нашей деятельности, невольно приходишь к следующему заключению.

Иррациональная составляющая непременно должна учитываться при определении цели, к которой следует двигаться. Рациональная же — предлагать наиболее разумные способы решения поставленной задачи. Иными словами, цель должна быть нравственной, а пути ее достижения надежными. Совершенно очевидно, что не только конечная цель, но и каждый шаг к ней должен отвечать критериям нравственности.

В последние годы эта проблема приобретает новые черты. До недавних пор рациональная наука с известным превосходством взирала на все «иррациональное», как бы даже мешавшее прогрессу. Но прогрессу, понимаемому с точки зрения именно рационального знания. Взять хотя бы безудержное стремление ведомств к сооружению гигантских плотин, каналов и аналогичных «строек века». Когда гуманитарная общественность возмущалась этим, указывая на гибель исторических памятников, уникальных ландшафтов, уничтожение среды обитания малых народов, иными словами, на аморальность подобных проектов, ее доводы считались второстепенными, надуманными, недостойными внимания. Всегда более весомым казалось утверждение, что «стране нужны металл, электроэнергия, орошение» и т. п. Сугубо «рационально» ориентированные «мыслители» с завидным самомнением брались определять, что именно «нужно стране». Процесс этот, в несколько иной форме свойственный и Западу, — естественное следствие неуправляемого научно-технического прогресса. Теперь мы видим его плоды. Весь мир начинается с тревогой смотреть на свое сегодняшнее состояние, да и прогнозы не оставляют места благодущию.

Повсюду наблюдается чрезвычайно любопытная картина: плоско-рациональное знание, опираясь на многочисленные компьютеры, само вдруг с ужасом обнаружило, куда оно завело человечество. Стало ясно: требуется коренная перестройка, если можно так выразиться, человеческого поведения. Продолжение практики последних десятилетий с неизбежностью ведет к экологической катастрофе. Но ведь и до этих расчетов гуманитарии, творческая интеллигенция да и немалая часть народа с обостренным чувством нравственной ответственности уже начали борьбу с надвигающейся бедой: много лет составляются «красные книги» для защиты природного мира от уничтожения, возникают все новые движения за спасение таких уникальных природных образований, как Байкал, и т. п.

Полезно еще раз подчеркнуть: чувство, своего рода боль за судьбу Земли и страны, предшествовало расчетам, лишь подтвердившим то, что уже было сказано на его основе. К тому же утрата нравственных критериев в повседневном поведении людей стала беспокоить не только «лириков», но и «физиков». В результате вновь возрастает интерес к внелогическому, недискурсивному знанию, стремление к целостному восприятию мира вместо движения к торжеству односторонне трактуемой «научной картины мира». Точно так же рождается и целостное мировосприятие вместо узкорационально понимаемого «научного мировоззрения».

Важным моментом нового мировосприятия надо считать и утверждение приоритета общечеловеческих ценностей. Но ведь одна из главных общечеловеческих ценностей — это планета Земля, и поэтому новое мышление должно охватывать не только политическую и военную сферы, но и все остальные области человеческой деятельности, в частности, связанные с экологией. Все большее значение приобретает и примат общечеловеческих ценностей в отношениях между людьми, в стремлении к объединению человечества в одну дружную семью. Везде нужно новое мышление, и одной из характерных его примет должно стать гармоничное сочетание работы мысли и «сердца», рационального и эмоционального, рассудочного и интуитивного знания.